

Обманчивые образы имперской периферии

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. — М., 2020. — 160 с.

Перетяцько Артем Юрьевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель

Южный федеральный университет

344006, ул. Большая Садовая 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Цитирование

Перетяцько А. Ю. Обманчивые образы имперской периферии // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 447–455. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.03

Рецензия поступила в редакцию 11.11.2021.

Аннотация

Рецензия посвящена составленному М. Ю. Дроновым сборнику воспоминаний русских офицеров середины XIX в. Автор рецензии приходит к выводу, что эти воспоминания не столько описывают реальных русин, сколько транслируют подчас далекие от действительности образы территории, которую в указанный период можно рассматривать как имперскую периферию (хотя Галиция и Угорская Русь, о которых писали офицеры, и не входили в состав Российской империи напрямую, они не только граничили с ней, но и были связаны с ней культурно, в силу значительной доли восточнославянского населения). Степень искаженности этих образов была различной. Один из офицеров даже отнес «карпатских славян» к словакам, другой пытался расшифровать обращенную к нему длинную речь предполагаемого русина на венгерском, из которой было понятно только словосочетание «валахская вера», и т. д. В рецензии отмечается, что схожие случаи незнания русскими базовой информации о периферийных регионах империи наблюдались и в иных местах, на-

пример на Кавказе, а в казачьих областях даже породили серию анекдотов. И публикация аналогичных сборников по другим пространствам периферии Российской империи представляется интересным и перспективным направлением исследований.

Ключевые слова

Имперская периферия, воспоминания, образы регионов, русины, Венгерский поход 1849 г.

К середине XIX в. в российском обществе в основном уже сформировался образ «внутренней России» / «великорусских губерний». «Метафоры “ядро” и “сердцевина” или “корень” и “зерно” оказались весьма устойчивыми и для определения данного ареала и населяющего его “славяно-русского” племени не только в публицистических и философских сочинениях второй половины столетия, но и в многочисленных проектах географо-экономического районирования», — пишет об этом М. В. Лескинен¹. А вот окружавшие это «ядро» пространства трактовались современниками более разнообразно, по сторонам света, географическим условиям и т. д.² Что особенно важно, степень изученности подобных периферийных пространств была различной. О некоторых пространствах, как вновь попадающих под влияние России, так и давно входящих в ее состав, российское общество знало мало, и поэтому образ этих пространств в восприятии обычного обывателя сильно отличался от реальности.

Возможно, наиболее ясно это видно из опыта казачьих областей. До середины XIX в. доступной информации о них было немного, и среди казаков ходили анекдоты о русских офицерах и чиновниках, демонстрирующих комическое незнание местной географии и этнографии. Любопытно, что чаще всего эти анекдоты касались ошибочных представлений о религии и языке казаков, которые не рассматривались как часть славянского православного мира. Герой Крымской войны И. И. Краснов рассказывал следующую историю: «Когда я в молодости приехал в Петербург на службу, в гвардию, то мне часто приходилось слышать вопросы: “Каким языком говорят у вас на

¹ Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 96.

² Там же. С. 98–101.

Дону?» и «Вы довольно чисто говорите по-русски, и у вас в разговоре не слышно ничего азиатского?»³. В другом источнике аналогичный анекдот приводится про чиновника, прибывшего в Санкт-Петербург из Оренбургского казачьего войска⁴. Впрочем, существовали даже анекдоты, связанные с чисто географическими сюжетами. «Еще на нашей памяти однажды получен был в войсковом правлении пакет с забавной надписью: “Во глубину Земли Войска Донского”. По всей вероятности, писавший эту надпись никогда не слышал о Новочеркасске, и, зная понаслышке, что на Дону есть какие-то верхние и нижние юрты — вроде калмыцких улусов, — вообразил, что если он адресует свою бумагу в самую глубь этого множества рассеянных кибиток, то она наверное уже дойдет до казацкого начальства», — писал один из первых донских историков М. Х. Сенюткин⁵. Схожей была ситуация и с другими «экзотическими» окраинами. Даже Кавказская война и литература о ней долго не приводили к формированию в русском обществе сколько-либо адекватного образа Кавказа. Подобный образ не сразу сложился даже среди военных. «О Кавказе и Кавказской войне я имел смутное понятие, хотя профессор Языков на лекциях военной географии проповедывал нам о том и другом; но по его словам выходило как-то, что самое храброе и враждебное нам племя были кумыки», — так описывал Г. И. Филипсон ситуацию в академии Генерального штаба 1830 г.⁶

В этой связи крайне любопытна книга «Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 г.», составленная специалистом по русинской истории М. Ю. Дроновым. И в наши дни русины остаются сравнительно малоизвестным народом, не укладывающимся в традиционную отечественную классификацию восточного славянства. В 1940-х гг. вопрос о статусе русинов даже вызвал определенные сложности в славянских организациях: Всеславянский комитет, созданный в 1941 г. в Москве, не включал в себя отдельного представителя от русин, а вот Американский Славянский конгресс, напротив, рассматривал «кар-

3 Королев В. Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. С. 211.

4 *Оренбургский казак*. Правда об Оренбургском казачьем войске // Военный сборник. 1862. № 9. С. 121–122.

5 Сенюткин М. Х. Донцы. М., 1866. Ч. 2. С. 95.

6 Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 5. С. 162–163.

патских русских» как полноценный народ⁷. В этих условиях советским чиновникам пришлось даже специально указать американским славянским деятелям, что, согласно официальной советской позиции, «карпатские русские» являются частью украинского народа⁸. Впрочем, это было многим позже, а в середине XIX в. российское общество просто не знало о русинах, и, соответственно, какого-то общепринятого образа населенного русинами пространства в его среде не существовало.

Однако в ходе Венгерского похода 1849 г. офицеры русской армии столкнулись с «русинами, несколько сот лет не имевшими ничего общего с их единоплеменниками, обитающими в Российской империи, а между тем, сохранившими так много с ними общего»⁹. Территории с русинским населением, пускай и входившие в состав иностранной державы, на какое-то время попали под русское влияние, и среди местных славян свидетели даже фиксировали слухи, будто бы «Император Николай, в вознаграждение за оказанную помощь Австрии, возьмет Галицию»¹⁰. И в этих условиях русские офицеры, создававшие те или иные нарративы о Венгерском походе (воспоминания, дневники и т. д.), самостоятельно формировали образы Галиции и Угорской Руси — территорий, которые, хотя и принадлежали Австрии, неожиданно вдруг оказались чуть ли не периферией Российской империи, культурно связанной с восточным славянством благодаря малороссийскому и русинскому населению.

Но если для описания малороссов русские офицеры имели укорененные в общественном сознании модели, то аналогичных моделей для русин в российском обществе не существовало. И именно благодаря этому мы можем наблюдать, как трансформировались реальные факты о русинах середины XIX в. в глазах неподготовленных русских обывателей. Дело доходило до того, что некоторые офицеры в принципе не замечали русин. Например, их не заметил будущий известный

⁷ Зайцев А. В. Количество славянских народов как политическая проблема 40-х — 50-х гг. XX в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М., 2020. С. 36–37.

⁸ Там же. С. 37–38.

⁹ Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М., 2020. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 85.

нумизмат и собиратель древностей Д. П. Сонцов, позиционировавший «карпатских славян» как «словаков»¹¹. В его нарративе данная ошибка даже приобрела системообразующий характер: Д. П. Сонцов считал, что Николая I в Галиции восторженно встречали не русины, а словаки, и приписывал последним проявленные русинами теплые чувства к русскому императору¹². Таким образом, Д. П. Сонцов не просто не осознал существования русин, но и отнес встречавшихся ему их представителей к западным, а не к восточным славянам.

Будущий малороссийский публицист М. М. Левченко рассматривал «русин или русняков» как «соплеменников нашим малороссам»¹³. Им неоднократно подчеркивалось единство малороссов и русин, особенно в плане языка: «Есть на земной поверхности уголок, где грамотность распространяется на малорусском языке, следовательно, малорусская словесность может существовать для того, чтобы приносить пользу, распространяя между моими соплеменниками полезное знание»¹⁴. Однако малороссы, в свою очередь, трактовались М. М. Левченко как часть русского народа, а сама Галиция — как исконная русская земля: «Галиция не совсем чужда нам — русским, во-первых, потому, что большей своей частью (округами Львовским и Станиславовским) составляла древнюю русскую область [...], а во-вторых, тем, что в большей части своей территории, а именно в двух вышеупомянутых округах, заселена одноплеменными нам русинами, т. е. русскими»¹⁵.

М. Д. Лихутин рассматривал «русняков» как отдельный славянский народ, схожий с русскими, но не имеющий с ними общей идентичности: «Я спрашивал некоторых из них, желали ли бы они присоединиться к России. “Э, нет, ни за что! — отвечали они. — Отчего? — У нас лучше. У вас дана большая воля панам и исправникам”»¹⁶. Зато для П. В. Алабина русины — это просто «русский народ в Галиции», и самая граница между Российской и Австрийской империями в этом регионе, по его наблюдению, незаметна...¹⁷

Данное перечисление можно продолжать, но и из приведенных выше примеров хорошо видно: русские офицеры не только вступали

11 Там же. С. 28.

12 Там же. С. 28–29.

13 Там же. С. 20.

14 Там же. С. 23.

15 Там же. С. 25.

16 Там же. С. 32.

17 Там же. С. 51–54.

в Галицию, не имея единого представления о том, кто такие русины, но и уходили из нее без подобного представления. Самым очевидным фактором, в принципе затруднявшим контакты русских офицеров с частью русин, был языковой барьер. Наиболее подробно на этом сюжете останавливался М. М. Левченко, описавший, например, диалог с неким крестьянином, из слов которого он разобрал только «валахская вера». М. М. Левченко считал, что говорил с «омадьяренным» православным русином¹⁸. Между тем, как отмечает М. Ю. Дронов, данный диалог проходил в поселении, где был только грекокатолический приход, зато одним из языков проповеди являлся румынский¹⁹. Соответственно, современный историк оставляет возможность и совершенно иных трактовок этого диалога, вплоть до того, что М. М. Левченко говорил не с русином, но с венгеризированным румыном. Конечно, с русинами, сохранившими родной язык, возможностей для коммуникации было больше, однако интересы большинства русских офицеров лежали несколько в иных областях. Например, А. А. Верниковский в своих записках подробно останавливался на диалогах «с прекрасным полом» в городе Кашау (венг.: Кашша, ныне Кошице в Словакии)²⁰. Языком общения служил словацкий, причем «с молодыми женщинами, знавшими. хотя и не твердо, словацкий язык, легче было говорить: они как-то лучше понимали смысл сказанного: часто они умели читать в глазах, и смысл разговора всегда был разгадан»²¹. Возможно, для бытовых диалогов подобный способ коммуникации и годился, но в итоге, как отмечает М. Ю. Дронов, А. А. Верниковский ошибочно отнес Кошице не к словацким землям, но к Угорской Руси²².

В итоге благодаря Венгерскому походу 1849 г. был создан оригинальный пласт источников о восприятии населенной русинами периферии образованными, но не имевшими специальной научной подготовки представителями русского общества. Важно понимать, что большинство этих источников носило ненамеренный характер: русские офицеры, за некоторыми исключениями, вроде деятеля малороссийского движения М. М. Левченко, не старались специально описывать русин, но невольно встраивали их в создаваемую картину Галиции или Угорской Руси. Поэтому написанные ими в итоге тексты интересны

18 Там же. С. 21.

19 Там же. С. 89–91.

20 Там же. С. 49–50.

21 Там же. С. 50.

22 Там же. С. 120–121.

не только в контексте русинской истории, но и в контексте восприятия имперской периферии российским обществом. Само отношение русских офицеров к русинам в чем-то напоминает отношение представителей русского общества к казакам, ставшее темой приведенных нами выше анекдотов. С одной стороны, это вежливое любопытство, а порой даже открытая симпатия к славянским «единоплеменникам»; с другой — это любопытство и симпатия сопровождаются полным незнанием русинских реалий. Подобное незнание демонстрируют даже офицеры, претендовавшие на роль этнографов-любителей. В качестве примера можно привести все того же М. М. Левченко, в своем нарративе «уточнявшего» «карту славян Шафарика»²³. Однако о реальном уровне знаний М. М. Левченко о славянах Австрийской империи лучше всего говорит следующий комментарий М. Ю. Дронова: «Несмотря на отсылку автора к карте Шафарика, исходя из утверждений Левченко о сотаках и гуцулах, создается впечатление, что он не проштудировал сам труд чешского ученого. Шафарик, в отличие от Левченко, локализует сотаков и гуцулов во вполне ожидаемых местах»²⁴.

Итак, книга «Русины Австрийской империи» содержит не столько достоверные сведения о русинах (они вообще представлены преимущественно в комментариях М. Ю. Дронова), сколько свидетельства единовременного столкновения десяти русских офицеров с незнакомым им миром славянства Галиции и Угорской Руси. И благодаря этим свидетельствам мы можем хотя бы примерно понять, какой видели населенную русинами периферию участники Венгерского похода 1849 г. Пытаться свести их представления о русинах к некоей наиболее распространенной позиции бесперспективно: слишком велико различие между представлением о «словаках» Д. П. Сонцова и представлением о «соплеменниках наших малороссах» М. М. Левченко, между образом «русняков» М. П. Лихутина и образом «русского народа в Галиции» П. В. Алабина. Разумеется, можно пытаться выбрать некие преобладающие сюжеты из их текстов (например, о бедности русинов или об их симпатии к русским). Но, как нам кажется, М. Ю. Дронову удалось найти лучший вариант репрезентации представлений русских офицеров о русинской периферии: своеобразный «коллаж интерпретаций», предложенных современниками, интерпретаций, именно благодаря своей безнадежной противоречивости создающих у читателя представление о неупорядоченном, ярком и часто ошибочном восприятии имперской

23 Там же. С. 22.

24 Там же. С. 92.

периферии российским обществом середины XIX в. Можно только пожелать, чтобы схожие сборники были подготовлены по другим пространствам периферии Российской империи, ведь только тогда мы узнаем, как обычные люди той эпохи представляли себе, например, Кавказ или казачьи области.

Источники и литература

Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 5. С. 160–200.

Зайцев А. В. Количество славянских народов как политическая проблема 40-х — 50-х гг. XX в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 36–41.

Королев В. Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1991. 464 с.

Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.

Оренбургский казак. Правда об Оренбургском казачьем войске // Военный сборник. 1862. № 9. С. 103–122.

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 160 с.

Сенюткин М. Х. Донцы. М.: тип. С. Селивановского, 1866. Ч. 2. 285 с.

References

Korolev, V. N. *Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh*. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1991, 464 p.

Leskinen, M. V. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. Moscow: Indrik, 2016, 680 p.

Rusiny Avstrijskoj imperii v dnevnikakh i vospominaniiakh russkikh ofitserov — uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda, comp. by M. Yu. Dronov. Moscow: Granitsa, 2020, 160 p.

Zaitsev, A. V. “Kolichestvo slavianskikh narodov kak politicheskaia problema 40-kh–50-kh gg. XX v.” *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dneĭ slavianskoj pis'mennosti i kul'tury*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2020, pp. 36–41.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.03

A. Yu. Peretyatko

Fallacious images of imperial periphery

Artyom Yu. Peretyatko

Candidate of History, senior lecturer

Southern Federal University

344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Citation

Peretyatko A. Yu. Fallacious images of imperial periphery // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 447–455 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.03

Received: 11.11.2021

Abstract

The review is devoted to a collection of memoirs of Russian officers of the mid-19th century, compiled by Mikhail Yu. Dronov. The author of the review comes to the conclusion that these memories not only describe real Rusyns, but also broadcast, sometimes far from reality, the image of the imperial periphery (although Galicia and Ugrian Rus', which the officers wrote about, were not part of the Russian Empire directly, they not only bordered on it, but were also culturally associated with it, due to a significant share of the East Slavic population). The degree of distortion of these images was different. One of the officers even attributed the "Carpathian Slavs" to the Slovaks. Another officer tried to decipher the long speech of the alleged Rusyn addressed to him in Hungarian, from which only the phrase "Wallachian faith" was understood, etc. The review notes that similar cases of Russians ignoring basic information about the peripheral regions of the empire that were observed in other places, for example, in the Caucasus, and even gave rise to a series of anecdotes in the Cossack regions. A publication of similar collections about other areas of the periphery of the Russian Empire seems to be an interesting and promising area of research.

Keywords

Imperial periphery, memories, images of regions, Rusyns, Hungarian campaign of 1849.